
ГЛАВА 1

В дверь осторожно постучали. Графиня поспешно отдернула руку, которую собирался поцеловать *bel homme*¹ Кирдягин. Поправила слегка растрепанные букли, привела в порядок потревоженное декольте, сделала глубокий вдох, обмахнулась веером, стараясь согнать с лица обильный румянец от неумеренных и весьма пикантных комплиментов известного столичного повесы и бретера, и только тогда соизволила произнести:

— Войдите!

В будуар, почтительно склонившись, скользнул слуга в ливрее. В руках он держал серебряный поднос, на котором в одиночестве возлежал большой сиреневый конверт, скрепленный круглой сургучной печатью с пропущенной сквозь нее изящной золотистой ленточкой.

Сердито посмотрев на лакея, графиня двумя пальчиками взяла конверт, нервно взмахнула веером и недовольно проговорила:

— Сколько раз нужно повторять, чтобы меня не тревожили во время визитов?! Нет, в этом доме опре-

---

¹ *Bel homme* (франц.) — красавчик.

деленно желают свести меня с ума! Все, что я ни прикажу, выполняется из рук вон плохо или вовсе забывается!

Она виновато взглянула на Кирдягина, развалившегося в кресле напротив и с преувеличенным вниманием рассматривавшего свои тщательно отполированные ногти. На замечание графини он ответил едва заметным пожатием плеча да поднятыми вверх аккуратными и, как она подозревала, искусно подправленными куафером¹ бровями.

Лакей склонился еще ниже:

— Ваше сиятельство, велено срочно передать это послание лично вам. Господин Рябинин-с, секретарь его сиятельства, распорядились...

— Reut-on faire de somme-ça?² — вздохнула графиня и взмахом веера показала лакею на дверь. — Ступай, Степан, и передай, что я велела более меня не беспокоить, понял, шельма окаянный?

— Понял-с, понял-с! — попятился к двери Степан. — Все скажу, чего уж там!

Проследив за тем, чтобы дверь за ним захлопнулась, графиня дернула за витой шелковый шнур. Тяжелая бархатная штора рухнула вниз, отгородив будуар от внешнего мира.

Кирдягин в это время с тоской смотрел то в окно, за которым близился к трем часам пополудни сырой и серый петербургский день, то на небольшой столик у кресла графини. На нем ждала своей очереди бутылка дорогого шампанского, покрытая тонким слоем подтаивающего инея. Услышав громкий хлопок, Кирдягин обернулся, его чувствительный нос

¹ Парикмахер.

² Reut-on faire de somme-ça?(франц.) — Ну позволительно ли так поступать?

тотчас некрасиво сморщился, и гость вдруг звонко чихнул.

Графиня, к счастью, не обратила внимания на конфуз своего поклонника, продолжая вертеть конверт с четко выведенными крупными буквами. Почерк был незнаком и принадлежал, несомненно, мужчине, причем довольно солидного возраста, ибо автор отказался от замысловатых завитушек и причудливых вензелей, которыми в последнее время так увлекались ее подружки и франтоватая молодежь вроде Кирдягина.

«Ее сиятельству, графине Буйновской Елизавете Михайловне», — прочитала графиня. В этот момент истомившийся Кирдягин подкрался к ней сзади и прижался губами к маленькой черной мушке у шеи, не потерявшей изящества и стройности. Но Елизавета Михайловна, дернув плечом, словно отгоняя докучливого слепня, опустилась в кресло.

— Mon ami, будьте так добры, подайте мне нож для разрезания бумаг.

Mon ami, нисколько не расстроившись из-за несостоявшегося поцелуя, исполнил просьбу и вновь устроился в кресле в позе утомленного жизнью персидского кота.

Графиня тем временем, надрезав конверт, достала небольшой лист веленовой бумаги. Пробежав его глазами, она вскрикнула, откинулась на спинку кресла и принялась усиленно обмахиваться веером, отчего изображенные на нем Афродита и Адонис ожили и забились в пляске святого Витта.

Кирдягин, вскочив, услужливо протянул флакон с нюхательной солью, но графиня оттолкнула его руку и, взяв со стола колокольчик, позвонила. В ту же секунду из-под кресла выкатилась любимая собачка и тезка Елизаветы Михайловны Бетси; она ра-

достно подбежала к новым панталонам гостя и, если бы не открывшаяся тут же дверь из соседней спальни, непременно испробовала бы их на вкус и прочность. Подоспевшая горничная Настя подхватила зловредную левретку, и Кирдягин облегченно вздохнул. Он собирался нанести еще несколько визитов, и сражение за собственные штаны могло нарушить его планы.

— Настя, отнеси Бетси покормить и скажи, чтобы ее немедля вынесли на прогулку. И передай дворецкому, что я велела подать через час карету, а сама живо приготовь мне синее кашемировое платье да бархатный салоп, тот самый, с атласными вставками, и не забудь про новую мерлинскую шаль. Непременно надо показать ее княгине! — Встав с кресла, графиня положила конверт с письмом в большую черного лака шкатулку, украшенную затейливым растительным орнаментом. — А это оставь в моей спальне.

Настя, шустрая, разбитная девка, сверкнув глазами на Кирдягина, едва заметно ухмыльнулась, негодница, и, как степной вихрь, умчалась выполнять приказы барыни. Елизавета Михайловна повернулась к гостю:

— Милостивый государь Дмитрий Афанасьевич, — она коснулась его руки длинными, униженными кольцами пальцами, — к великому сожалению, мне необходимо сделать несколько срочных визитов и я вынуждена покинуть вас.

— Насколько я понимаю, графиня, вы меня выпроваживаете? — Иногда Кирдягин не боялся показаться излишне прямолинейным. Особенно, если дело касалось женщин зрелого возраста и в известной степени к нему равнодушных. В отношении графини Буйновской у него были все основания по-

лагать, что она влюблена в него, как кошка, и потому он решил покапризничать. — Что ж, мне ничего не остается, как раскланяться. Видно, я ошибся в своих предположениях, разговоры наши показались вам неимоверно скучными и неинтересными, раз вы предпочли мое общество делам, а не тому, о чем я так страстно мечтал все эти дни...

— Перестаньте, *mon cher ami!* — Графиня против его ожиданий не смутилась, не покраснела, и даже веер на сей раз не трепыхнулся в ее руках. — Изъяснитесь попроще! Известность в свете вам принесло не умение красиво плести слова, а постельное мастерство! Вы не хуже меня знаете, с какой целью я пригласила вас в свой будуар. Мне хотелось вывести из себя графа Буйновского, о котором на каждом углу болтают, что он не покидает будуар *m-me Camille*. Но теперь все изменилось. Не скрою, меня покорили ваши манеры и обходительность. Сегодня я испытала величайшее искушение, и, если бы не сие послание, возможно, ваши мечты и сбылись бы. — Елизавета Михайловна посмотрела на слегка побледневшего Кирдягина. Несостоявшийся любовник, доставший из кармана сюртука золотую с эмалевым покрытием табакерку, так и застыл, сжимая ее в одной руке, а щепотку табака — в другой.

Буйновская расхохоталась:

— Не горюйте, голубчик, таких дур, как я, на ваш век хватит! Вы правы, у меня сейчас другие заботы. Через несколько дней приезжает дочь моей покойной сестры, Александра. Девушка она неискушенная. В свет выезжает впервые, потому мне нужно подготовиться, все обдумать, чтобы ее представление оказалось удачным. Тем более что время на поиск достойного мужа ограничено.

Графиня заметила взгляд Кирдягина, брошен-

ный на шампанское, улыбнулась про себя и мысленно перекрестилась. Воистину Всевышний приложил руку к тому, чтобы она вовремя получила это письмо, и тем самым отвел от соблазна — дело закончилось целованием ручек и до шампанского не дошло.

Она прекрасно разбиралась в своих слабостях и не раз испытала на себе действие благословенного шипучего напитка. Ничто так не усмиряет женскую гордыню и мужское чванство, как бокал хорошего вина. Порой он вынуждает забыть не только служебные обязанности и супружеский долг, но предаёт забвению величие свершений предков и полосатые гербы с коронами... Перед ним бессильны и простые смертные, и даже монаршие особы, которым иногда тоже свойственно отринуть доводы разума и подчиниться законам сердца...

Кирдягин слегка кашлянул, отвлекая графиню от ее мыслей:

— Позвольте узнать, милейшая Елизавета Михайловна, могу ли я нанести визит и засвидетельствовать свое почтение вашей племяннице?

Графиня, свысока оглядев смазливую физиономию столичного fashionable¹, усмехнулась:

— Но-но, mon ami! Александра не про вашу честь! Пусть отец у нее и непутевый граф Волоцкий, но он богат, а род у них старинный и славный, так что держитесь от нее подальше!

— Но она хотя бы красива?

— Не знаю! — Буйновская, похоже, была озадачена. — Они всего-то месяца два как из-за границы вернулись, так что я никогда ее не видела. Правда, сестра моя, Ольга, слыла в свое время первой красавицей Петербурга, да и самого графа, черт бы его по-

---

¹ Fashionable (англ.) — модник, щеголь.

брал, тоже Бог не обидел! Можно надеяться, что девочка не дурнушка, а с тем приданым, что отец за нее обещает, думаю, в девках она долго не засидится!..

...Через час после неудачного визита к графине Буйновской Кирдягин в высоком черном цилиндре, темно-синем сюртуке на вате и панталонах, счастливо избежавших зубов пакостницы Бетси и имевших, как изволил выразиться один из его приятелей, цвет упавшей в обморок лягушки, медленно прогуливался вдоль Невского проспекта. Левую руку Дмитрий Афанасьевич закинул на поясницу, правой опирался на тяжелую, инкрустированную серебром трость из мореного дуба. Изредка он лениво глядел через лорнет, небрежно кивая в ответ на приветствия многочисленных знакомых, и продолжал размеренно шествовать. Друзья и товарищи разводили в недоумении руками, не понимая причины странной меланхолии известного в свете весельчака.

А мысли Кирдягина были заняты непривычным для него делом: он размышлял, взвешивал *pro et contra* и даже *просчитывал* возможный доход от поступка, который вознамерился осуществить в самом ближайшем будущем.

Наконец сумбур, царивший в кудрявой голове отъявленного ловеласа и кутилы, несколько улегся, мысли приобрели четкость и стройность. И тогда Кирдягин, перестав витать в эмпиреях, весело шелкнул пальцами, озорно, по-гусарски, крутанул ухоженный ус и отправился в ресторацию Фёльета, чтобы отобедать в компании подобных ему бездельников; там его ждали жирные устрицы, кровавый ростбиф, трюфеля и бутылочка сокрушительной красной мадеры на пару с графинчиком бархатного, подогретого лафита...

Жизнь продолжалась, а Дмитрий Афанасьевич, по обычаю, ждал от нее только праздников и подарков!

ГЛАВА 2

— Александра, потрудись объяснить, что случилось с Кирдягиным? — Елизавета Михайловна, подобно олимпийскому марафонцу, с трудом перевела дух. — Он так быстро промчался мимо меня, что чуть не сбил с ног генерала Сахнова. Такое впечатление, что его основательно потрепали дворовые псы! Многие заметили, как он сопровождал тебя в зимний сад, — и вот такой конфуз! Признавайся, ты опять что-то натворила?

Племянница подняла на тетку огромные темно-синие глаза, и если бы графиня не имела уже опыта общения со свалившейся ей на голову родственницей, то вполне могла подумать, что более кроткого и невинного существа в природе не существует!

— Право, ничего, тетечка! — Девушка вдруг озорно улыбнулась, обняла тетку за плечи и поцеловала в щеку. — Просто он осмелился разговаривать со мной в непростительном тоне и к тому же сделал несколько опрометчивых предложений, да еще попробовал ущипнуть за грудь, словно я трактирная девка! Будь я женщиной, я бы непременно вызвала его на дуэль!..

— Господи, Александра, и ты называешь это «право, ничего»? Да только за одно из этих прегрешений я откажу ему от дома! Каков мерзавец! И как он посмел так обращаться с тобой?

— Думаю, — Саша наморщила лоб, — ему не дает покоя то, что я отвергла его предложение руки и серд-

ца; он, вероятно, догадывается, что без вас тут не обошлось. Вот и пытается теперь досадить нам обеим. Потому я и решила раз и навсегда прекратить эти никчемные вздохи и рассчиталась с ним по всем пунктам его домогательств.

— Значит, разорванная манишка?..

— Ответ на предложение стать его любовницей!

— А синяк под глазом?

— Это он попробовал назвать меня душой набитой.

— А хромал тогда почему?

— Закономерный результат нежелательных для меня объятий и поцелуя. Тетечка, вы не беспокоитесь! Я умею за себя постоять! Например, когда мы жили в Канаде, один траппер¹ гнал за мной десять миль на собаках и отстал лишь после того, как я отстрелила ему ухо.

— Ухо?! — Графиня с неподдельным ужасом уставилась на племянницу. — Зачем ты это сделала?

Девушка пожала плечами.

— Как зачем? Он хотел на мне жениться, но я поставила условие: если его упряжка обгонит мою, я, возможно, подумаю над его предложением...

— И, как я догадываюсь, он не обогнал тебя, но, мой бог, зачем же лишать человека ушей?

— Так это в другой раз случилось! Он задумал меня украсть и взять силой...

Елизавета Михайловна растерянно покачала головой.

— Ну, знаешь, с тобой не скучно! Меня только одно интересует: есть ли голова на плечах у твоего дорогого папеньки? Мало того, что Ольге жизнь поломал, так и дочери постарался испортить! Разве по-

---

¹ Траппер (англ.) — охотник на пушных зверей.

добает барышне твоего происхождения двадцать лет мотаться по свету, общаться с дурными людьми, терпеть лишения, потерять в конце концов мать — и все ради того, чтобы граф Волоцкий на склоне лет написал книгу, которую и читать никто не будет? Я-то уж этого никогда не сделаю!

Девушка обиженно закусила губу:

— Извините, тетя, но вы не правы! Книгу согласны издать не только в России, но и в Европе, и даже в Америке. Папу считают крупным ученым, совсем недавно его заметки о жизни африканских племен в окрестностях озера Виктория получили премию Королевского географического общества в Лондоне.

— Я, конечно, все понимаю. Не такая уж я дремучая дура, но пожертвовать жизнью жены и судьбой дочери... За одно это я непременно оторву твоему папаше голову!

Саша опустила глаза:

— Не нужно об этом, тетя! Папа очень любил маму и сам ее выхаживал, когда она заболела лихорадкой. И маменька его любила, она всегда мне говорила, что он лучший муж и отец на свете и, если бы ей привелось начать все сначала, она ни за кого другого не пошла бы. Вы не представляете, как папа переживал, когда она умерла. Целый месяц ни с кем не разговаривал. Придет к ее могилке, сядет рядом и молчит, лишь иногда принимается что-то шептать. Я вначале думала, он молится. Подошла как-то раз ближе, а он шепчет: «Олюшка, дорогая, прости меня, и за Сашеньку прости, и за то, что тебя не сберет!» ...А вы говорите, «голову ему оторвать»! Да если меня кто так полюбит, я не задумываясь пешком на край света за ним уйду!

Елизавета Михайловна всплеснула руками:

— Ну что мне с тобой делать? Нам теперь не о го-

рячей любви следует думать, а о том, как замять все скандалы, что следуют после каждого твоего выхода в свет. Твои эскапады шокируют и отпугивают более-менее приличных женихов, а теперь ты добралась и до таких никчемных, как Кирдягин.

— Тетушка-лапушка! — Саша умоляюще посмотрела на графиню. — Меня уже тошнит от этих лоботрясов и разгильдяев! Только и слышишь от них «excusez» да «permettez»¹, а стоит немного зазеваться, так и норовят тебе юбку задрать или в декольте руку запустить: верно, думают там нечто новенькое найти!

— О Боже! — тетка в ужасе возвела очи горе. Юная племянница в очередной раз продемонстрировала познания взрослой жизни. Елизавета Михайловна подозревала, что это лишь малая часть того, в чем девушка неплохо разбиралась. — Так ты никогда не выйдешь замуж! Мужчинам надо многое прощать, а иногда просто закрывать глаза на их шалости ради семьи, ради детей...

— Ну уж нет! Если я все-таки встречу человека, которого смогу полюбить, то делить его ни с кем не собираюсь и проделки, тем более прогулки на сторону, терпеть не намерена!

— Тогда тебе придется остаться старой девой! — Графиня Буйновская строго посмотрела на племянницу. — Если, конечно, жизнь не научит терпению и снисходительности к человеческим слабостям. — Она оглядела высокую, изящную фигурку девушки. Без сомнения, из всех невест нынешнего сезона Александра выделяется красотой и особой статью. И умом Бог не обидел! Но характер! И в кого она уродилась такой дерзкой? Покойница Ольга была само благо-

---

¹ Excusez, permettez (*франц.*) — извините, разрешите.

честие и скромность. Правда, сбежала с юным графом Василием и тайно с ним обвенчалась. Но не с бродягой ведь, а с богатым, красивым мужчиной, единственным наследником своего отца. Потому и выются вокруг Александры многочисленные поклонники. Девчонка немилосердно от них отбивается, но количество претендентов не убывает, и многие, несмотря на чинимые им обструкции и скандалы, не оставляют надежды заполучить ее в жены.

Но нашлись уже и более дальновидные и здраво-мыслящие, сообразившие, что богатство и необыкновенная красота будущей супруги гарантируют им до конца жизни не покой и благоденствие, а сплошное беспокойство и расстройство чувств.

Ушли в тень и благоразумно исчезли из столицы князь Уховертов и барон Шавырин, богатейший, хотя и в солидных годах, помещик Стародумов. Им и своего богатства не занимать, потому нет никакого резона встречать в сумятицу, которая охватила в этом сезоне Петербург. Елизавета Михайловна вздохнула. Каждый из этих кандидатов по всем статьям подходил Александре, но та язвительно, в присутствии самого господина Канкрина¹, начальника над Уховертовым, высмеяла эспаньолку князя. Ходят слухи, что тот уехал в свое поместье, сбрил злосчастную бородку и подал рапорт об отставке. Барону же во всеулышание посоветовала нарядиться на бал-маскарад гусакom, и отныне его иначе как таковым в свете и не называют. Графиня усмехнулась про себя. Несомненное сходство Шавырина со зловредной птицей, так досаждавшей ей в детстве, сослужило ему неважную службу, и теперь, по крайней мере на протяже-

---

¹ Канкрин Е. Ф. (1774—1845) — российский министр финансов с 1823 по 1844 г.

нии двух сезонов, пока не забудется прозвище, вряд ли кто из девиц согласится связать с ним свою судьбу, разве уж какая из самых последних дурнушек или неприятельных вдовушек!

А Стародумов? Стародумов-то! Графиня прикрыла лицо веером, сделав вид, что закашлялась. Старый пень настолько закружился с Александрой в вальсе, что с размаху сел на колени княгине Турениной. Этот случай, говорят, дошел до дворца, и Государь соизволил даже улыбнуться, когда ему рассказали о том, как старуха от неожиданности весьма отчетливо издала неприличный звук и по-ямщицки выругалась.

После такого пассажа Елизавета Михайловна предпочла неделю не выезжать, сказавшись больной, пока разговоры об Александре немного утихли. Но сегодня бал давала ее старинная приятельница графиня Катина-Оболенская, притом это был один из самых больших и престижных балов, отказаться от приглашения не было никакой возможности, и вот опять это происшествие, теперь уже с проклятым Кирдягиным!..

Саша покрутилась около большого, вделанного в стену зеркала, поправила вырез бледно-голубого крепового платья, отделанного понизу изящными шелковыми букетиками незабудок и ландышей. Широкий пояс из более темного атласа и узкий лиф подчеркивали тонкую талию и высокую грудь. Искусная вышивка с изображением все тех же незабудок и ландышей украшала пышные рукава фонариком и шла по самому краю низкого выреза. Из всех украшений девушка выбрала нитку жемчуга, который светился и казался горячим на фоне ее смугловатой кожи.

Елизавета Михайловна коротко вздохнула. Покойная сестра тоже любила жемчуг и передала свою любовь дочери. Но, похоже, более ничего от матери

Александр не досталось. Темно-синие глаза с длинными пушистыми ресницами, черные, как вороново крыло, волосы, прямой, изящный нос и тонко очерченные брови — это у нее от отца. Да и губы — полные, яркие, будто мазок кисти на полотне художника или едва распустившийся бутон... Не зря вместо целования ручек кавалеров то и дело заносит не в ту сторону, отчего так и сыпется пудра с их щек и носов от увесистой ладошки графини Сашеньки Волоцкой.

— Тетушка, — племянница присела рядом на кушетку. — Я хочу с вами поговорить.

— О чем же, милая? — Графиня ласково посмотрела на девушку, а та решительно тряхнула головой, отчего тщательно уложенные на висках локоны взлетели и улеглись теперь уже в беспорядке по обе стороны высокого, чистого лба.

— Я хочу вернуться домой. Сегодня утром принесли письмо от папеньки. Он, конечно, не жалуется, но по всему видно, что он не в состоянии заниматься именем и писать книгу. К тому же у меня есть подозрение, что управляющий безбожно нас обманывает, а после возвращения я так и не успела ознакомиться с состоянием дел.

— Давай оставим эти разговоры на завтра. Сегодня у тебя все танцы ангажированы, а ты тут отсиживаешься в компании престарелой тетки.

— Хотелось бы и мне в сорок лет выглядеть такой престарелой! — засмеялась Александра, подтолкнув Елизавету Михайловну к выходу. — Сообщите скорее, что у меня внезапно случилась смертельная болезнь и мы незамедлительно должны уехать!

— Ох, не попаду я с тобой в рай, Сашка! — Графиня покачала головой. — Мазурку хотя бы станцуй с Алтуфьевым. В прошлый раз кадрили ему отказала, так матушка его весь вечер мне выговаривала!

— Ладно, с Алтуфьевым так и быть станцюю, но уচিতе, меня и впрямь тошнит от его занудства и глупых комплиментов.

Тетка и племянница вышли из небольшой гостиной, которую хозяйка предоставила гостям на время бала. Тотчас разноцветная атласно-кружевная и шелково-тюлевая толпа барышень и дам, ожидающих приглашения кавалеров на танец, окружила их, и графиня уловила несколько быстрых, завистливых взглядов в сторону Саши. Ее племянница еще ни одного танца не простояла в напрасном ожидании. К ним подскочил красавец Алтуфьев, сын важного чиновника из Министерства иностранных дел, и, согнув руку калачиком, предложил ее Александре. Девушка подтянула высокие, до локтя, шелковые перчатки в тон платью, передала тетке веер, слегка подмигнула ей и легко задвигалась по блестящему паркету в ритме своего любимого танца.

Через час графини Буйновская и Волоцкая, закутавшись в бархатные, подбитые соболем накидки, дожидались в просторном вестибюле, когда им подадут экипаж.

Внезапно распахнулись створки огромных, покрытых резьбой и инкрустацией дверей. Лакеи с золотыми кокардами и в ливреях с галунами согнулись в поклоне. Дворецкий, худощавый, в черном фраке, с напомаженными реденькими волосами человек, поспешил навстречу высокому господину в темной шубе и цилиндре, слегка припорошенных снежком. Вновь прибывший небрежно кивнул улыбающемуся в накрахмаленный галстук дворецкому, самолично принявшему у него одежду, и подошел к овальному, с вычурной отделкой зеркалу. Длинноватые, ржаного цвета волосы от легкого поворота головы улеглись в некотором беспорядке и вовсе не по моде. Но муж-

чину, казалось, это совсем не взволновало, и он отошел от зеркала все с тем же выражением безмерной скуки на лице.

Тут он заметил две женские фигурки. Слегка прищурившись в полумраке вестибюля, высокий господин вежливо поклонился, обвел незнакомых дам равнодушным взглядом и медленно, чуть прихрамывая, стал подниматься по широкой мраморной лестнице, устланной ярким турецким ковром. Навстречу ему спешили радостные хозяева. Гость склонился к ручке графини Ксении, как всегда в предельно декоративном платье, сказал что-то учтивое глуховатому, а потому вечно унылому графу Константину и исчез вместе с ними в бальной зале.

— Так вот о каком сюрпризе болтала сегодня графиня! — Елизавета Михайловна разочарованно вздохнула. — Кажется, Сашка, мы с тобой крупно прогадали! Ты-то успела его разглядеть?

— Кого, тетечка? — девушка невинно захлопала глазами.

— Кого-кого! — недовольно проворчала Буйновская. — Князя Кирилла Адашева, вот кого!

— Можно подумать, в этой темноте что-то различишь! — Девушка непонятно почему слегка слукавила. Она моментально отметила и высокий рост, и особенную статью незнакомца князя, и даже медальный профиль не остался без внимания. Одного взгляда ей хватило, чтобы понять — мужчина, так бессовестно их проигнорировавший, знает себе цену и в его обычае повелевать, а не подчиняться. Возможно, из-за легкой хромоты он поднимался по лестнице не той прыгающей развязной походкой, что нынче в моде у светских хлыщей, а ступал твердо и уверенно; так ходит человек, привыкший отвечать за каждый свой шаг на земле. Саша, конечно, не успела рассмотреть

во всех подробностях ни лица князя Кирилла, ни его одежды, но заметила искусно, по последней английской моде, завязанный белоснежный шейный платок. Выходит, он не чурается модной и красивой одежды, избегает лишь ярких, кричащих тонов.

— Саша, ты что застыла как изваяние! Зову, зову, не откликаешься! Поспеши, голубушка, экипаж подали!

Александра подобрала пышные юбки и прошла вслед за теткой, отметив, что ей, кажется, расхотелось уезжать и, будь тетушка чуть-чуть догадливей и любопытнее, возможно, графиня Волоцкая и передумала бы покидать бал. Но Елизавета Михайловна мысли читать не умела и быстро нырнула в экипаж.

Александра зябко поежилась. Ледяной ветер мгновенно пробрался под накидку, бросил в лицо снежной крупой, рвал с головы капор, и девушка последовала примеру тетки, погрузившись в спасительное тепло кареты. Женщины, накрывшись пледом из лисьих спинок и спрятав руки в муфты, прижались друг к другу, вскоре старшая даже умудрилась задремать, пока лошади резво несли их навстречу разгулявшейся поземке.

Саша всю дорогу просидела необычно тихо, с закрытыми глазами. Тетка сладко посапывала у нее под боком. Карету на поворотах то и дело заносило. Елизавета Михайловна вздрагивала, садилась ровнее, вглядывалась в оконце, затянутое морозным кружевом, и вновь, привалившись к племяннице, начинала дремать. Ей и невдомек было, что сердце ее подопечной бьется непривычно быстро и тревожно.

Впервые в жизни девушка пережила душевное потрясение от встречи с мужчиной. Он прошел мимо и исчез, как призрачное видение, за широкими белыми дверями, не соизволив остановиться и раскла-

няться. Будь она на месте тети, не преминула бы оскорбиться явной неучтивостью князя, но та, к удивлению Александры, восприняла сие событие как должное и, похоже, сразу о нем забыла. Саша сердито закусила губу, вспомнив, с каким, как ей показалось, пренебрежением князь посмотрел на нее. Она свылклась с восторженными искорками в глазах мужчин, и этот взгляд подействовал на нее, будто холодный дождь посреди ясного, солнечного дня.

Александра не понимала, что ее интерес вызван именно таким поведением князя, будь все иначе, он, вероятно, пополнил бы ряды неудачников, о которых графиня Волоцкая забывала в следующую минуту после знакомства. А этот гордец даже представиться не соизволил и потому продолжал занимать ее мысли и будоражить сердце.

За месяц пребывания в Петербурге Саша уже приобрела некоторый опыт и научилась ловко осаждать высокомерных наглецов и чванливых франтов. Ее весьма ехидные замечания, которыми она их наказывала за спесь и гордыню, с удовольствием передавались из уст в уста. Несчастные жертвы ее колючего языка долгое время ощущали себя вроде пробитых пулями мишеней на стрельбище Преображенского полка и в дальнейшем старались держаться от нее на расстоянии пушечного выстрела.

Девушка, вытащив из муфты руку, провела по глазам, словно стряхивая наваждение, которое было совсем некстати. Ей захотелось быстрее от него избавиться. Через несколько дней она вернется в имение, и все огорчения, обиды, докучливые кирдягины и навязчивые алтуфьевы останутся в прошлом...

А что касается князя, тетка, наверное, за завтраком выложит всю его подноготную, и от романтических домислов ничего в помине не останется! И ока-

жется этот невежа точно таким же фатом и любителем богатых невест, как и все остальные. Даже его холодность — сплошное притворство и преследует одну-единственную цель: набить себе цену.

Саша, уверившись в заурядности князя Кирилла, прижалась к тетке и задремала.

ГЛАВА 3

Князь Кирилл Адашев откинулся на спинку широкого, обтянутого темно-синим бархатом кресла, устроился поудобнее и вытянул раненую ногу к огню. Он любил эти вечерние часы, когда затихает большой дом, с улицы слышны крики извозчиков, а за дверями прекращается перепалка горничных и лакеев, когда отступают на время заботы и хочется думать, как в юности, о чем-то светлом и безмятежном...

Огонь в камине то затевал веселую плясовую по березовым чуркам, вспыхивая пером жар-птицы, то затихал, как кроткая голубица, и лишь изредка постреливали угольки.

Камин появился совсем недавно вместо старинной голландской печи в чудесных голубых изразцах, о теплые бока которой грелось не одно поколение Адашевых. Но камин не был простой данью английской моде. Более всего на свете князь любил посидеть у открытого огня, почувствовать его живительное тепло. Эта страсть осталась у него с детства, когда вместе с деревенскими мальчишками отправлялся в ночное, делил с ними кусок ржаного хлеба с луком и солью. Тогда ночная темнота уравнивала всех в правах, и звездное небо принадлежало всем, и речка, и заливные луга, и злющие комары, и костер тоже был один на всех... Во время долгих морских

переходов, отстаивая бесконечные штормовые вахты, он часто вспоминал то благословенное время. И более всего ему не хватало этого жаркого, слегка чадающего пламени, подмигивающего синими огнями и согревающего душу и тело.

Вздыхнув, князь разворошил кочергой угли. Осталась в прошлом его морская служба, приходится привыкать к жизни сухопутного помещика. И пора уже расстаться с флотскими привычками, заняться именем, найти себе наконец жену, сыновьям — хорошую мать и зажить подобно большинству верно-подданных Его Императорского Величества, не утруждая себя государственными заботами и мировыми проблемами.

Подобные мысли все чаще и чаще стали посещать молодого князя, особенно в последнее время, когда его проекты переустройства русского флота встречались в штыки чиновниками из Адмиралтейств-совета и даже в военном ведомстве с некоторых пор на него стали смотреть косо и недоброжелательно.

Адашев встал и прошелся по кабинету. Как ни пытался он себя успокоить, но сегодняшняя встреча с морским министром Моллером основательно выбила его из колеи... Российский флот много лет находился в заброшенном состоянии. Корабли долго держали в гаванях, они ветшали и гнили, а новые суда строили в постыдно малом количестве, да еще из сырого леса. Никому не было дела, что срок их службы исчислялся пятью-шестью годами. Шведы не дураки, покупают в России добротный лес, который и самим бы ох как пригодился! Сушат его, выдерживают по всем правилам, потому и бороздят их корабли моря и океаны по двадцать и более лет.

Сейчас, при Николае Павловиче, ситуация несколько изменилась. Уже в Наваринском сражении 1827 года русские корабли сыграли решающую роль в разгроме турецко-египетского флота объединенной русско-англо-французской эскадрой.

На днях героя Наваринской битвы Михаила Петровича Лазарева назначили главным командиром флота. Адашев видел его в бою, когда тот был еще в чине капитана первого ранга и командовал линейным кораблем «Азов». По общему признанию, корабль Лазарева был самым доблестным в сражении. Именно он уничтожил египетский флагман Мухтарем-бея и турецкий флагман Тахир-паши. За беспримерную отвагу и героизм «Азову» впервые на русском флоте был вручен Георгиевский кормовой флаг, а бесстрашный командир получил звание контр-адмирала и четыре ордена сразу: русский, английский, французский и греческий.

Но знакомство их началось гораздо раньше, в 1819 году. Морское ведомство запланировало тогда экспедицию в высокие широты Южного полушария. И князю, молоденькому мичману, выпускнику Кронштадтского кадетского корпуса (его же закончил Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, командир шлюпа «Восток», принимавшего участие в этой сложнейшей экспедиции), удалось попасть в подчинение к лейтенанту Лазареву, командовавшему вторым шлюпом — «Мирный».

Князь посмотрел на чучело птицы, напомнившей ему прошлое, потом на большую карту, которая занимала всю стену позади массивного письменного стола. Красным пунктиром отмечен на ней тот далекий, незабываемый маршрут.

Долго еще после возвращения на родину снились

Кириллу Адашеву светящиеся аметистами и изумрудами вечные льды и горизонты Южного материка.

Князь подошел к столу, покрытому толстым синим сукном, заваленному рулонами навигационных карт, чертежами, торопливо набросанными заметками. На специальной подставке перед ним стоял макет первого российского стимбота¹ «Елизавета». Взяв его в руки, он задумчиво осмотрел и вернул на прежнее место. По его сведениям, воды российских рек бороздят не менее тридцати-сорока пароходов. На товарно-пассажирской линии Одесса — Ялта уже четвертый год исправно совершает рейсы паровое судно «Одесса», но военный флот по-прежнему остается парусным. Англия, Франция и Турция всю готовятся к войне, и в ней не будет места парусным кораблям. Их место должны занять не зависящие от капризов погоды, более маневренные и прочные паровые суда...

В нынешней политической ситуации это не должно вызывать никакого сомнения, но твердолобые чиновники из Морского министерства не в состоянии понять или попросту не хотят, не желают знать, что прошли спокойные времена, а посты и награды достаются теперь не за выслугу лет и чинопочитание, но за истинное служение Отечеству под пулями и разрывными снарядами, при ураганном ветре и в ледяном холоде.

В окно ударил очередной снежный заряд. Любимый пес князя Алтай, большой охотник понежиться у камина, поднял голову и некоторое время с недоумением смотрел на хозяина, не понимая своим собачьим умом, и что ему все нейдет, и чем он так постоянно озабочен. Но ласковое тепло сделало свое

---

¹ От английского *steamboat* — пароход.

дело, и пес, вновь уронив голову на лапы, задремал, изредка поскуливая во сне и помахивая хвостом.

В дверь тихо постучали, почти поскреблись, и Адашев, улыбнувшись, распахнул ее. На пороге стояла старая нянька Агафья, виновато глядя на него:

— Прости меня, старуху, голубчик! Вижу, свет из-под дверей пробивается, дай, думаю, загляну! На кухне сегодня ватрушки пекли, а ты к ужину не спустился, я и забеспокоилась. Чай, не заболел, Кирюша?

— Нет, нянюшка, просто есть не хотелось. Поздно отобедал с друзьями, вот и решил ужин пропустить.

Нянька недовольно поджала губы:

— Совсем ты себя не бережешь! Что я княгине скажу, когда она из-за границы вернется? Матушка твоя мне строго-настрого наказывала, чтобы ты вовремя обедал и ужинал и заботами себя не слишком утруждал, пока не выздоровеешь!

Князь, обняв старушку за плечи, провел в глубь кабинета и усадил в кресло, в котором только что сидел у огня:

— Погрей немного косточки, а я пока кое-что прочитаю.

— Хочешь, я тебе чайку принесу с малиной, и ватрушечек тоже на всякий случай оставила.

Кирилл поцеловал ее в щеку:

— Что бы я без тебя делал, Агафьюшка? Никто так обо мне не хлопочет и не заботится, как ты, милая!

— И-и-и, голубчик! — Поднявшись с кресла, нянька направилась к двери, но остановилась на пороге. — Жениться тебе надо поскорее! У меня и силы уже не те, да и за детьми присмотр нужен материнский, а то эта хранцузка опять жаловалась на робят. Учиться не хотят, задания не выполняют, озоруют — страсть! Вчера ей пирожное на стул подложили, юбку попор-

тили, а давеча чернил в кофий налили... Я ругаться стала, так Андрюша меня ведьмой обозвал, а Илья вообще велел на глаза не показываться. — Тут нянька углядела искру ярости в глазах князя и испуганно зачистила: — Прости меня, дуру старую! Болтаю незнамо чего!

— Немедленно прекрати защищать этих негодников! — Адашев в сердцах стукнул кулаком по столу. — Совсем распоясались, мерзавцы! Мало того, что изнеженными лентяями растут, науками совсем не интересуются, так еще и пакости всякие измышляют! Скажи Федосу, чтобы завтра поднял их не позже восьми часов и до завтрака пускай помогут дворнику расчистить двор от снега, а потом обоих ко мне в кабинет на разговор. Мадемуазель Веронике тоже передай, что я жду ее после десяти.

— Ой, батюшки! Что же ты такое надумал, Кирюша?! Виданное ли дело, чтобы барчуки лопатами скребли да метлами махали?

— Вот пусть и машут, коли барчуки! По крайней мере аппетит нагуляют и в еде копаться не будут! Насмотрелся я уже на эти представления, когда они от всего нос воротят: это им не так, то не этак! Пока снег не сойдет, каждый день будут двор чистить. Завтра же переговорю с Авдеем, чтобы на конюшне им работу подыскал, а то растолстели, разжирели, как купцы татарские! Ты ведь помнишь, я в их возрасте и в ночное, и на рыбалку, и на охоту с отцом выпрошусь, а эти... — Князь махнул рукой и огорченно поморщился. — Тяжеловато им придется, когда на флот пойдут служить, а все потому, что сызмальства к пуховым перинам да к сладкой еде приучены.

Агафья, несколько раз мелко перекрестившись, склонила голову:

— Конечно, Кирюша, ты можешь осерчать на меня, старую, но я одно скажу. Детки-то твои мужской руки и не ведали. Княгинюшка, Анна Денисовна, болела долго, не до детей ей было. Батюшка да матушка, почитай, все время по заграницам живут. Вот и выросли робята, как та полынь-трава: сами себе хозяева, что хотят, то и творят! Каюсь, батюшка, баловала я их — детки все-таки, им и ласка требуется, и жалость какая-никакая...

— Вот за эту жалость и оскорбляют они тебя, наверное! Но я с этим быстро разберусь, и, клянусь, оба получают от меня по заслугам! Завтра же лично займусь их учебой и воспитанием. Найду наконец хорошую гувернантку из русских, а французенку уволю. Толку от нее никакого, охрану нанимать ей не собираюсь. Что же это за учительница такая, если не в состоянии за себя постоять? Пусть ищет себе другое место.

Нянька покачала осуждающе головой:

— Больно сердит ты, голубчик! Они ж еще дети малые, да и французку жалко. Где она посередь зимы место сыщет?

Князь вновь обнял старушку и улыбнулся:

— Всех бы ты жалела да голубила, но одной жалостью да любовью из мальчишек настоящих мужчин не вырастишь, тем более моряков! На их веку еще много войн предстоит, да пострашнее тех, в коих мне пришлось воевать. Так что не к легкой, а тяжелой, полной лишений жизни их надо готовить, а не баловать безмерно. Насчет мадемуазель пока не беспокойся. Сразу на улицу никто ее выгонять не собирается. Рекомендации я дам хорошие, возможно, где-то ее сюсюканье будет в самый раз. Утром велю секретарю все бумаги подготовить, а пока места не найдет, пусть живет в своей комнате.